

ДЕЛО О ВЫСЕЛЕНИИ ГОРЦЕВ

Исполняя повеление Его Императорского Высочества, я объехал туземные население Кубанской области: округа Абадзехский, Бжедуховский и Шапсугский, приставства Верхне- и Нижнекубанское. Винкнув, насколько умел, в настоящее положение туземных племен, имею честь донести следующее:

Количество туземного населения в Кубанской области составляет:

	По сведению	
	От штаба	От приставов
Приставство Верхнекубанское	26348	43932
" Нижнекубанское	4540	8252
Округ Абадзехский	38434	38434
" Бжедуховский	37476	37648
" Шапсугский	—	4500
	106798	132766

Числовые данные штаба, командующего войсками, и у местных начальников различны, особенно в итоге старых, давно покоренных населений Верхне- и Нижнекубанского приставств, где цифры, показываемые приставами, почти вдвое превосходят цифры, показанные штабом.

Вообще цифры населения можно принимать только приблизительно, потому что они основаны на показаниях туземцев, изменявшихся вследствие каждого нового впечатления. В одном ауле прошел слух о близком обложении податью, и горцы до крайности уменьшали итоги; в другом, соседнем, говорили о наделении землей по количеству показанных душ, и жители чрезвычайно преувеличивали. При замкнутости жизни, не допускающей гостя проникнуть далее куницашкой, стоящей особняком в поле, нельзя было проверить показаний, тем более что серьезная статистическая работа, как и меморальное описание, до сих пор далеко не по силам местному начальству. Можно, однако

ж, с достаточной верностью принять итог туземного населения Кубанской области около 130 тыс. душ.

Распределение жителей по сословиям еще неопределенное. Хотя некоторые местные начальники показали цифры, но, сличая на месте разноречие сведений этого рода, я не мог придать им большого значения; чтоб не ошибиться, их надо выражать круглым числом. Таким образом, можно принять с достаточной верностью численность высшего сословия пана и ворм, облеченных законом дворянскими правами, в 3 % к итогу населения. Крепостных различных наименований в Верхнекубанском приставстве — в 40 %, в Нижнекубанском и округе Абадзехском — в 30 %, а в Бежедуховском округе число их ничтожно, не выше 150 дворов, т.е. 6 %.

Изо всех населений Кубанской области одно карачаевское можно считать вполне оседлым материально и нравственно, так как погром последних лет ни в каком отношении его некоснулся, и оно остается на местах, искона им занимаемых. С точки зрения правительственных мер, Карабай подходит к племенам Терской области и не имеет ничего общего с племенами Кубанской, от которых он отделен вдобавок обширным бесподным пространством, называемым кордонными землями.

Остальное народонаселение Кубанской области резко отличается своим положением от всех горских племен Кавказа. Ряд событий, действовавших на него постоянно в одну сторону, от народных восстаний против дворянства, начавшихся еще в прошлом столетии, и до изгнания туземцев из их жилищ русским оружием, смешал адигейские племена в хаотическую массу, почти истребив существовавшую прежде общественную организацию и образовал из них бесличный материал, из которого правительство может без малейшего затруднения выделать все, что ему будет угод-

* По общему итогу на душу приходится около 9 душ обоего пола. Причина такой численности семьи заключается в том, что дворовые крепости (узнуты) считаются нераздельно с ней. Всего выходит около 4 тыс. душ обоего пола населения дворянского, 100 тыс. взрослых людей и 20 тыс. крепостных.

но. Адыгейские племена подверглись разложению в одиозовой степени, но все они сильно тронуты. Народ бежедухов, бывший полумирным еще со времен императрицы Екатерины, ушел наиболее, но и там все общественные отношения существуют больше в виде воспоминания, чем закона. Мелкие племена кубанских приставств, более 30 лет постоянно гоняемые с места на место, то русскими, то неприятелями, почти вновь утратили племенную организацию, а новые переселенцы — абадзехи и другие, составляют теперь только численное собрание единиц, ничем между собой не связанных. Между тем как Кабарда сохранила вполне феодальное устройство, общее в прежнее время всем адигейским племенам, составляющее великое препятствие нравственному упрочению русской власти, потому что оно противополагает закон закону и поддерживает народное единство; в то же время черкесские племена Кубанской области, подорванные с восстаниями черни, т. п. ором Мегмет-Амина, беспрерывными переселениями и последним беспримерным в истории погромом, перестали быть племенами. Никаких обязательных сословных отношений у них теперь уже не существует. Многие аулы еще называются именем владельца — князя или первоштатного узденца; но, в противоположность тому, что происходит в Кабарде, свободное население аулов считает себя равноправным с владельцем. За князьями и дворянами остались только привилегии этикета — где стоять и где сесть, привилегии, с каждым днем все более приходящие в забвение; на деле же значение их составляет препятствия к влиянию на общественные дела. Народ постоянно держит их в стороне и старшин своих ведет выбирает из простолюдинов. Забвение дворянских прав так велико у туземцев Кубанской области, что даже в аулах, вновь населенных на владельческой земле, дарованной правительством некоторым лицам, нет никаких обязательных отношений между владельцем и поселенцами, они пользуются его землей безвозмездно. Для того, чтоб оградить этих поселенцев даже на будущее время от притязаний владельца, по распоряжению графа Евдокимова за ними оставлена узаконенная

прозорения земли в других аулах, к которым они приписывались. Причина такого необыкновенного синхронизма владетелей состоит в их родовой гордости; они соглашаются понести жертву, чтобы видеть вокруг себя хоть часть своих бывших вассалов и пользоваться с их стороны хоть наружным почетом. Полковник Мамет-Гирей-Лев, например, поселил на отведенной ему земле несколько десятков дворов из бывшего когда-то своего аула, для того, говорили мне эти поселяне, чтоб ему жить не скучно. Система, преследуемая граffом Евдокимовых по управлению закубанскими народами, столь же неуклонна в этом отношении, как и его военная система; начальство ей положено еще в бытность его начальником правого фланга. Не только свободные люди всех сословий на деле уравнены в правах, и приняты меры, чтоб обязательные отношения и вперед не могли нигде возникнуть; но при основании новых поселений устранили даже обычай, неизменный до сих пор у адыгов, называть их именем владельца, около которого группируются его прежние подданные; аулы называются просто именем урожища, что весьма важно в понятии горцев; при этом теряется даже воспоминание о прежней зависимости. При мерах, принятых властью, и распространении между закубанскими черкесами духе равенства, нет места опасению, чтоб некоторые лица между туземцами, каким бы влиянием они ни пользовались, могли поставить прежних подданных или новых выселенцев в обязательные отношения к себе; это вещь совершенно невозможная. С другой стороны, очевидно, как много такой порядок вещей способствует правильному развитию русского управления между закубанскими горцами и вообще народному благоустройству. Правительство долго поддерживало на Кавказе местную аристократию, для противодействия мюризму, который был врагом однаково и ей, и нам; но там, где мюризм исчез, местная аристократия становится положительным препятствием для правительственные целей. Мюризм вел против нас наступательную войну; аристократия ведет войну оборонительную, ограждая народ от русского влияния целой системой отношений, замкнутых, недоступ-

ных нам, отделяющих массу как бы стеной от русского за кона и обычая. Окружные начальники, как Абдурахманов и Шибшинев, сами кабардинцы, уверяют (по моему понятию, совершенно справедливо), что ничего нет легче, как обрушить абадзех и шапсугов, лишенных общественной организации; но что ничего нет труднее, как обрушить Кабарду, где эта организация стоит во всей силе. При отсутствии установленных сословных отношений и взаимной связи, за кубанец теперь по необходимости прибегает во всяком случае к русскому начальству, отворяя нашему влиянию двери настежь к самым потаинным уголкам своей общественной жизни. В настоящее время изо всего Кавказа только в Закубанском крае может быть немедленно установлено чисто русское управление, без всяких шарлатанов, а через непрерывное время и без всяких адатов.

Кроме распадения общественного быта, закубанские черкесы испытали в последнее время такое неизмеримое нравственное потрясение, что им нет уже возможности от него оправиться; они отданы теперь во власть России как малые дети. Понятия их до того спутались неслыханным разгромом, что они ничему не удивляются, что бы с ними ни сделали, и малейшее синхронование примут как благоустройство. Едва веришь глазам, смотри, как черкес, несколько месяцев тому назад отчаянно прорывавшийся для грабежа сквозь тройной ряд военных линий, теперь в своей земле, в глухом лесу, робко стоянится перед встречным крестьянином; мальчишка бьет его, и он не смеет отводить его ударов, чему я сам был свидетелем. Понимая бессилие свое для борьбы против Российской империи, но не понимая еще своих прав русского гражданина, черкесы покорились постигшей их участи и безропотно переносят беспрерывные притеснения и насилия от своих соседей-казаков и всякого чужого человека. Даже глядеть они стали какими-то рабамипольского пана. Подобной деморализации никогда не было видано. Все нынешнее закубанское туземное население составляет запутанную толпу, которой правительство может дать какое угодно направление. Чеченец плюет на русского, дагестанец смотрит на него исподлобья, кабардинец — с

высоты своего узденского величия; закубанский же черкес снимает перед русским шашку.

Граф Евдокимов добился вполне того результата, что во всем туземном населении Кубанской области, как старом, так и вновь покоренным, ни один человек не выходит из дома вооруженный. Во время трехнедельной поездки моей от Карачая до Хабля я не видел ни одного вооруженного горца. Дворянам позволено носить шашку; но огнестрельное оружие запрещено поголовно, и нарушивший этого правила нет и быть не может. Милиционеры, посыльные приставами за пределы своего участка, положительно отказываются ехать с оружием даже при близете, боясь казаков; выткав из участка, они снимают даже кинжал, составляющий принадлежность азиатской одежды. Теперь за Кубанью этим только и можно отмечать казаков от горцев; безоружный — стало быть, горец. Чертесы не могут даже ходить на охоту и потому не держат в доме патронов. У дворян ружье висит на стенке, как знак достоинства; пристолдин прядет его за бесценок. Подобное запрещение, неукоснительно соблюданное, равняется обезоруживанию и через несколько лет действительно доведет народ до полного обезоруживания.

Из всех общественных учреждений закубанских горцев уцелело только одно — крепостное право. Демократические восстания в черкесских племенах были спором свободных сословий между собой и не касались отношений владельца к крестьянам, как не коснулся его и Мегмет Амин. Крепостное состояние у горцев имеет в настоящее время на практике совсем другой характер, чем то было в России, или есть еще в Грузии, хотя по праву, основания его почти те же. У горцев три рода крестьян: 1) Ог — поступивший добровольно со своим потомством под покровительство владельца, обязанный ему некоторыми повинностями и во всем прочем свободный человек. Сословие это в последнее время чрезвычайно умалчивается постепенным выкупом, так что огов теперь мало. 2) Паштиль — кре-

постной, живущий своим домом. Класс этот составляет три четверти всего числа крепостных. Особенности его определены разнообразным обычаем, но они состоят исключительно в работе, так как черкесы не знают оброка. 3) Унауты — домашние рабы, лишенные всяких прав, преимущественно женщины.

Деление это в настоящее время можно считать только преданием. Для правительства оно не может иметь значения по самой обстановке горцев. Закубанцы никогда не знали личной земельной собственности; при обилии земель каждый селился где хотел. На основании этого обычая им наделяется земля русским начальством. В кубанских приставствах, например, где производится нарезка, то, хотя высшие дворяне получают по 150 десятин, а простые люди по 7, но эти участки не лично даются владельцам, а только итогом их определяется размер земли под каждый аул; а затем вся земля все-таки остается общественной. При этом число крепостных, вовсе не берется в соображение, так как им и перепись не сделана, и для них не бывает никакой особой привилегии. Но как, между тем, беспрестанно случается, что человек высшего класса имеет мало крепостных, а простой имеет их много, то участок в 7 десятина приходится на него и на несколько семей его крестьян. Хотя при общем пользовании землей и существующей еще неопределенности границ горцы покупка мало замечает это обстоятельство; но правительство не может упустить его из виду, так как оно коренным образом изменяет основание владельческого права, делает горца, пользующегося крепостными правом, не помещиком, а личным рабовладельцем.

Все свободные ссыльные, благородные и неблагородные, имеют одинаковое право владеть крестьянами, и как класс этот до сих пор постоянно пополнялся пленными, то были примеры, что даже крестьяне их покупали. В последнее время понятия о крепостном праве спутались у закубанских горцев, как вся их общественная организация; теперь отношения крестьянина к владельцу, столь же оборванному, обнищавшему и униженному, как он сам, зависят преимущественно от личности того и другого. Тем не ме-

* Кроме нескольких милиционеров при приставах.

нее закубанцы чрезвычайно дорожат своими крестьянами и считают только ими свое богатство. Со стороны дворян быть иначе не может, потому что, по черкесским понятиям, личный труд составляет для дворянинна позор, исключающий его из сословия; а как наемных людей у горцев достать трудно, а женщины — невозможно, то дворянин должен держать крепостных, чтоб не умереть с голода. Я нашел все закубанское население чрезвычайно встревоженным слухами об освобождении крепостных. С одной стороны, перепись крестьян, требуемая от приставов начальством, с другой — освобождение крепостных в Григорьевской станице возбудили эти слухи. Цена на крепостных упала, и я видел уже в крае чеченцев, которые воспользовались этим обстоятельством и закупали за Кубанью несколько десятков семей, чтоб вести их на продажу к себе за Терек. Таким образом, в 1864 г. найден по дорогам Российской империи караван рабов, ведомых с рынка на рынок. Перепись крепостных встретила чрезвычайные препятствия. Владелец уклонился от сообщения требуемых сведений, так что верхнекубанский пристав подполковник Аглецов сказал мне, что без насильственных мер он не может совершить перепись, а потому и прекратил свои требования. Крестьянский вопрос за Кубанью требует немедленных, даже свирепых мер со стороны высшего начальства, в том или другом смысле, хочет ли оно удержать оставшиеся массы черкесов в пределах империи, или изгнать их в Турцию; потому что исход зависит более всего от этого пункта. Крестьянское дело находится теперь в хаотическом состоянии. С одной стороны, возбуждены слухи об освобождении, заставляющие владельцев помышлять о том, чтоб скорее увести своих крестьян в Турцию; с другой стороны, им предоставлен такои произвол, что владелец может насильно вести в Турцию крестьян, которые не хотят туда идти. Очень часто представляется такой вопрос, и приставы не считают себя вправе отвечать на него отрицательно; да и действительно он не объяснен. Таким образом, человек, который отправляется в мусульманское царство с тем, чтоб быть врагом России и при первой войне поднять на нее оружие, имеет

право насильно становить в число наших врагов людей, которые желают быть верными подданными государя. Если владелец берет с собой крестьян, то распродает их, что составляет то же самое, потому что крестьяне соглашаются идти в Турцию только для того, чтоб не быть распроданными в дурные руки. Вообще у нас с самого начала не было обращено достаточного внимания на крепостное сословие, составляющее резкое отличие общественного устройства черкесов от других кавказских племен. В Дагестане рабы находятся только у ханов; в Чечне их очень мало; у закубанцев же они составляют треть населения. Черкесские крепостные, народ невооруженный, не умеющий стрелять и никогда не ходивший на войну. Как угнетенный класс, не знающий почти вовсе мусульманской религии, они не могли и не могут быть нашими врагами; против нас враждовали только свободные и воинственные сословия, но у нас всегда смешивали в одно въю массу черкесского населения. Позволяя выселяющимся в Турцию горцам уводить массой своих крепостных, мы лишаем себя рабочих рук, чрезвычайно трудолюбивых, смирных и ни каком отношении не опасных людей. Так было прежде, но нет причины, чтоб это продолжалось теперь, когда различие двух классов черкесского населения, воинственного и мирного, сделалось хорошо известным. Горец, выселяющийся в Турцию по невинности к нам, не должен иметь права на своих рабочих, ни для того, чтоб их уводить, ни для того, чтоб их продавать, с той минуты, как он обявляет себя турком. Конечно, подобное ограничение владельческого права удержит от переселения в Турцию большую часть свободных людей, которые хотят еще переселяться, и потому подобная мера была, может быть, несвоевременной, покуда правительство заботилось исключительно об очищении приморского края; но теперь она у места, потому что нечего больше опасаться напуганных и истерзанных остатков черкесского населения. Людей же, в душе враждебных нам, эта мера не удержит; они уйдут в Турцию и бросят крестьян, которые станут свободными земледельцами.

Крепостной вопрос у черкесов, наверно понятый вла-

стью, может быть причиной великих затруднений и иметь последствием то, что результат выйдет совсем иной, чем желает правительство. Особенности его следующие:

1) У закубанцев крестьяне составляют в настоящее время не земледельческое население, хотя они и работают в поле, а личную собственность, так как землей они не наделены. Поэтому, даже впоследствии, никакого вида освобождения, кроме прямого выкупа, не может быть предпринято.

2) Так как крестьяне должны чем-нибудь жить, то при распределении оставшихся в казне земель Кубанской области надобно оставить неприкосновенной пропорцию, необходимую для их наделения. Свободных земель осталось столько, что в этом случае не предстоит никакого затруднения. Но, чтобы не переселять крестьян слишком далеко и не разрывать односельчан, полезно сохранить запасы земли вблизи от аулов.

3) При вынешнем хаотическом состоянии населения, которое нигде еще прочищо не оселось, в котором продолжается движение эмиграции, так что неизвестно, кто идет и кто остается, возбуждение крестьянского вопроса может только спутать все дело; тем более что влияние его простирается гораздо далее, чем предполагают; слухи об освобождении крестьян снова волнуют массы, которые начали было уже оседать. Мне кажется поэтому, что крестьянский вопрос в Закубанском крае нужно было бы отложить, пока не устронятся новый порядок в крае, и потому пристановить все меры, возбуждающие несвоевременное брожение.

4) Чтобы остановить насильственное выселение крестьян в Турцию, лишающее государство рабочих рук, никогда не бывших опасными, я полагаю, было бы полезным, человеческим и политическим объявить свободу тем крестьянам, господа которых выселяются в Турцию. Для прекращения же позорных сцен публичной торговли рабами воспретить продажу крепостных за пределы области, но этой меры не обнародовать, чтоб не возбудить новых тревожных слухов, а известить о ней только приставов. При нынешнем

положении народа не только признание, но один совет пристава может возбудить или прекратить всякое личное действие.

5) Постепенное освобождение крестьян давно уже началось у закубанских народов, и большая часть бывших рабов теперь уже свободны. Движение это продолжается; так что, когда пройдет смутное время для окончательного освобождения закубанских крепостных, не нужно будет, вероятно, никаких кругих мер; достаточно будет облегчить добровольный выкуп крестьян, определив Положением его ценность. Так как закубанские крестьяне составляют личную собственность владельцев, и никакого поземельного вопроса с этим делом не связано, то оно весьма просто, если предпринять его в удобное время.

Необходимо иметь в виду, что, каковы бы ни были взаимные несогласия горских сословий, господ и крестьян, все-таки даже враждующие между ними скорее верят друг другу, чем нам; а потому русским властям нельзя еще покуда иметь влияния отдельно ни какое-либо горское сословие; для этого нужно, чтоб народ оселся и привык к нам. До того времени возможны только общие меры — упрочить поселение и успокоять массу.

Такому успокоению много мешают частые насилия над туземцами из соседей-казаков. Горцы до такой степени запуганы последними событиями, что не оказывают сопротивления никому и никогда, что бы с ними ни делали. Казаки же не великодушны, и с черкесами сбывается басня об умирающем льве; всякий их топчет. От безнаказанных убийств до мелких оскорблений, побоев, захватов отведенной им земли, — им пришлось много вытерпеть. Как казаки вне дома вооружены, а горцы безоружны, то первым легко позволить себе насилие; побить без причины горца для многих составляет забаву. Когда горец приходит в станцу для продажи своих производений, казак дает ему что хочет, половину, четверть того, что он требует, и затем гонит его вон; есть станцы, в которые горец и показаться не смешет. Захваты земли производятся также без зазрения совести не только казаками, но войсками, которые выкаши-

вают у горцев ложь, как сделал Ставропольский полк и многие станицы по Кубани и Лабе, или даже хлеба, отданые им начальством, как сделал Крымский полк. Отговоркой в этом случае служит, что у горцев много лишней земли; но горцы понимают это так, что у них нет собственности и что покоривший их народ может распоряжаться по своему произволу отведенными им землями. Бывают насилия покрупнее. Я слышал о многих случаях убийства и разбоев, совершенных казаками над горцами. Когда я был в армизском ауле, неподалеку оттуда один горский мальчик стянул с казачьего воза арбуз; казак положил его наповал ружейным выстрелом. Конечно, граф Евдокимов не щадит виновных, и за всяким происшествием наряжается следствие; но следователи — те же казаки, а людям, живущим с нашим казачеством, известно, как сильно у него круговая порука и как редко виновные бывают открыты и наказаны. Самая бесконечность следствия и суда составляют в глазах горцев доказательство безнаказанности всякого совершенного над ними насилия. В народе укореняется мнение, что он беззащитен пред лицом насилия соседей-русских, может найти спасение только в переселении в Турцию. Если правительству угодно изгнать остатки черкесского населения, то на это есть другие средства, без нарушения справедливости. Можно положительно сказать, что вся масса шансуров и абадзехов, выдвинутая весной из гор, сначала не должна идти в Турцию, и для того, чтобы направить ее туда, приставам было достаточно, вследствие полученных приказаний, показать горцам сурое лицо. Но если правительство не имеет в виду побуждать остальных черкесов к переселению, то необходимо оградить их на будущее время от притеснений соседнего населения, а для этого есть только одно средство: строгим циркуляром возложить на местных казачьих начальников ответственность за подобные случаи, и при повторении их, на первые два или три раза, поручить следствие не казачьим офицерам, а доверенным лицам, чтоб показать скорый пример на виновных.

Хозяйство вновь выселенных горцев, составляющих главную массу населения, не могло еще получить характера

прочности. Они живут большей частью в накорко плетеных клетушках, и немногие лишь строят небольшие рубленые сакли¹. Пользование землями также имеет покуда только временный характер. Граф Евдокимов воспретил пока вывоз ни продажу леса, а в Абадзехском округе запрещена и продажа сена; эти горцы не могут перепродавать построенные ими сакли. Меры эти приняты против выселяющихся в Турцию, которые стараются все обратить в деньги без малейшей заботы об остающихся. Но те, которые желают оставаться, показывают довольно заботливости о своем будущем; в нескольких предоставленных им рощах абадзехи от себя учредили лесную стражу, чего нет еще в Большой Карабаре. Скота у заново переселенных горцев немного; хотя они закупили весной большое количество его в Туапсе, но сильный падеж вновь совершенно их расстроил. Вообще для прочного устройства абадзехов нужно еще нескользко лет; они вышли из гор в таком состоянии нищеты, что половина их и теперь еще ходят почти нагие и не имеют никакого орудия, ни топора, ни лопаты для работы. Средства жизни, однако ж, обеспечены им всегдашней возможностью заработка от соседей-казаков, постоянно нуждающихся в рабочих руках. Прекращение продовольствия от казны заставило многих обратиться к труду; но и теперь еще бродят толпами нищие, хотя молодые и здоровые. Одни крепостные работают усердно. Такую леность, впрочем, нельзя приписать народному характеру, потому что черкесы, не дворные сколько-нибудь оседлы, везде чрезвычайно трудолюбивы; она происходит от двухлетней привычки к бродяжнической жизни и исчезнет с возвращением оседлости.

Поведение всего закубанского народа, привыкшего покорность, примерно. Кроме убийства купца Плотникова, совершенного на горской земле неизвестными людьми, не было никаких происшествий. Соседи горцев — казаки, даже в оправдание своих насилий, не могут привести ни одного случая воровства или буйства со стороны горцев. Ка-

¹ Которых теперь не больше, как по одной или по две на аул.

зачи быки и лошади, запасшие в горскую землю, всегда отыскиваются, но не обратно. Безопасность не только дорог, но даже бездорожных трущоб во владениях горцев доказывается тем, что по лесам их русские мальчишки собирают плоды познанными арбами. В этом отношении общий голос без изъятия свидетельствует о хорошем поведении горцев.

Несколько мог я удостовериться, учрежденные над за-кубанскими горцами местные управления действуют удовлетворительно, значительных злоупотреблений нет. Жители, объявившие желание выселиться в Турцию, постоянно говорили мне, что они совершенно довольны управлением, что они не надеются найти в Турции управление, столь же справедливое, и выходят потому только, что желают служить мусульманскому государю. Общий голос посторонних людей, постоянно имеющих горцев под глазами, подтверждает это свидетельство. Взяточничество и продажности не существует ни под каким видом, может быть, дело и не обходится без некоторых доходов, называемых безгрешными, но и то — не всегда. Доказанное делом бескорыстие полковника Русланова и майора Шебмисса не подвергается никакому сомнению. Насчет полковника Моцкрова и подполковника Абдурахманова, подполковника Агвецона, — я слышал иногда нарекания со стороны; но поскольку не в угнетении народа; в общей массе местных кавказских властей они, конечно, могут считаться удовлетворительными. Можно сказать утвердительно, что в Кубанской области не совершается по туземному управлению таких злоупотреблений, которые роняли бы русскую власть в глазах народа.

Желающих переселиться в Турцию оказывается значительное число, но без определенного сознания, зачем они это делают. Движение это действует как поветрие. Идет один, за ним идет его родственник и так далее. Есть люди, которые положительно хотят выселиться, которые поэтому не работали и не строились и расплодили все имущество. Таких нечего удерживать, потому что они останутся с недоброжелательством к нам и будут сеять неудовольствие

вокруг себя. Все прочие останутся или уйдут, смотря по тому, какое лицо сделается их приставом. Это совершенно зависит от воли начальства. Граф Евдокимов говорил мне, что он желает выселения бжедухов, слишком близких к мюрию; прочих будет удерживать; но приставы, хотя и не имеют на этот счет положительных приказаний, руководятся совсем другим понятием, именно, что желание высшего начальства состоит в том, чтобы выправливать народ в Турцию. Сами они говорят, что без малейшей побудительной меры, тот или другой исход вполне зависит от них. Известной просламации, приглашающей горцев переселиться в Турцию, не придают здесь никакого значения. Она написана на клочке оберточной бумаги, скреплена сомнительной печатью и привезена одним инчотским горцем, несколько времени перед этим ушедшем в Турцию. Прокламацию эту приписывают какому-нибудь из поставщиков морских судов, желающему продолжать выгодную операцию.

Заявивших официально желание ехать в Турцию до сих пор немного, так как списки только на этих днях стали составляться; но в народе известно, кто хочет идти.

Таких желающих насчитывают:

Округа Шапсугского	3000 душ
“ Бжедуховского абадзехов	3000 ”
“ “ “ бжедухов	4000 ”
“ Абадзехского	12000 ”
Кубанских приставств	2000 ”
	24000 душ

Выселение этих людей зависит, впрочем, совершенно, как я уже сказал, от воли кавказского начальства. При нынешнем положении вещей и полной нейтральности приставов будет все-таки много колебаний в народе, и кроме упорных, многие из заявивших желание идти в последнюю

минуту пожалают оставаться". Если же будет принято давать свободу крепостным господ, переселяющимся в Турцию, как требуют того справедливость и наша польза; если приставам будет сказано одно слово о том, чтобы они не содействовали выселению, то пойдет сюда ли несколько сот фанатиков, таких именно людей, от которых нам выгодно избавиться. Несмотря на желание графа Евдокимова, бжедуховский народ не идет в Турцию массой; ослабление же его несколькими стами семействами не составляет никакой разницы. Мне кажется, что сто верст поперек казачьего населения, отделяющие бжедухов от моря, позволяют считать население это внутренним; а как народ бжедухи, бесспорно, первые по своим качествам между закубанцами, и при том вековые наши соизнники. Жители Шапирского округа, оставшиеся от весеннего переселения, идут теперь поголовно за ними, следят в абадзехские аулы, приспанные к Бжедуховскому округу; бжедухи сами желают их выслать. О тех и других, действительно близких к морю и притом людях бездомных, обнищавших, не оседлых, жалеть нечего. Но, начиная от бжедухов, по Кубани сидят население во большей части оседлое и по положению своему внутреннее. Если русские власти будут действовать, как теперь, с затешенной мыслью способствовать выселению, то рождается вопрос — до какого предела оно должно дойти?"⁷ Если правительству угодно изгнать постепенно все население Северного Кавказа, то дело это пойдет само собой; за каждым двинувшимся слоем населения будет двигаться следующий слой. Если же правительство не имеет в виду систематического изгнания всех горцев, то ему нужно сказать только одно слово своим местным агентам, и движение остановится. Нет ничего легче, как действовать на горцев, взявшись как следует за дело. Шапсугов выгнали весной с северной покатоти гор почти без войск. По мере того как выходили одни, из них набирали милицию и с помощью ее

⁷ Но выселение будет продолжаться разногренико партиями, в продолжение нескольких лет.

⁸ Надобно определить его наперед, чтоб не вышли случайности, противоречащие видам государства.

гнали других; потом первых спускали в Турцию, а вторых собирали в милицию и гнали третьих и т.д. После урока, данного закубанцам последними событиями, им можно распоражаться как послушными детьми. Они представляют теперь не воинственные племена, а рабочие руки, которых Россия не имеет в таком изобилии, чтоб без самой крайней надобности, добровольно обращать возделанные и населенные земли в пустыни. Но если правительство не имеет в виду поголовного изгнания закубанцев, то, по моему мнению, надобно немедленно упрочить во владении собственностью тех из них, которые еще сомневаются в своем праве; прекратить до удобного времени перепись крепостных, возбуждающую тревожные слухи; отнять распоржение крепостными у выселяющихся в Турцию; оградить строгим приказом и несколькими примерами туземное население от притеснений казаков и войск; и сделать гласным, что правительство не считает более полезным выселение черкесов в Турцию, но хочет упрочить благосостояние оставшихся. Облезкая черкесские племена, я везде говорил горцам, что по русскому закону им всегда обеспечен в их нуждах доступ к Вашему Императорскому Высочеству и к самому государю императору. Если б они могли в этом убедиться, то, без всякого сомнения, истерзанные остатки адыгского народа очень скоро стали бы полезными и мирными подданными русской державы.